

Сун Цы судорожно зажмурился, ему хотелось плакать.

Твою ж мать, неужели Чу Тяньхэ собирается ночевать здесь? Разве он должен прислуживать Чу Тяньхэ перед сном? Стоило только представить двух взрослых мужиков, лежащих на одной кровати...

По спине Сун Цы пробежал холодок.

Поразмыслив так и эдак, Сун Цы решил, что ему следует попытаться остановить Чу Тяньхэ.

В итоге Сун Цы остался сидеть на месте.

Однако Чу Тяньхэ сидел на краешке кровати, в упор глядя на него своими темными, немигающими глазами. Он не подгонял, вид у него был донельзя терпеливый.

Евнух Хуа испугался, и во взгляде, которым он окинул Сун Цы, читалось нетерпеливое понукание.

Заметив помрачневшее лицо Чу Тяньхэ, евнух Хуа проявил поразительную сообразительность: он шагнул вперед и тихо произнес:

— Государыня, вам следует переодеть императора.

Сун Цы: «!»

Раздался звонкий сигнал системного оповещения, и Сун Цы почувствовал неладное.

В следующее мгновение раздался ожидаемый нежный девчачий голосок:

— Хозяин, уровень гнева Чу Тяньхэ составляет 37 единиц. Просим хозяина заранее подготовиться и сдержать дальнейший рост гнева.

Сун Цы: «.....»

Моргнув, Сун Цы под испытующим взглядом евнуха Хуа шаг за шагом направился к Чу Тяньхэ.

И стоило Сун Цы приблизиться на шаг, как уровень гнева Чу Тяньхэ пошел на убыль. В голове Сун Цы внезапно созрел дерзкий план...

Продвинувшись вперед, он вдруг сделал шаг назад.

Системное оповещение зазвенело как безумное, и малышка-система выпалила:

— Уважаемый хозяин, уровень гнева Чу Тяньхэ взлетел до 52! Просим уважаемого хозяина подготовиться заранее.

Сун Цы: «Знал бы прикуп — не стал бы испытывать судьбу!»

Сглотнув слюну, Сун Цы боязливо переставил маленькие ножки и снова двинулся к Чу Тяньхэ.

Однако уровень гнева Чу Тяньхэ не уменьшился, а напротив, возрос. Сун Цы аж вздрогнул от неожиданности и, едва между ним и Чу Тяньхэ оставалось еще два шага, внезапно опустился на колени.

Он рухнул ниц, всем телом дрожа и не смея вымолвить ни слова.

Чу Тяньхэ опустил взгляд на человека, который дрожал перед ним, как осиновый лист, и молчал.

Сун Цы был готов заплакать от безысходности: почему Чу Тяньхэ снова разозлился?! Но как бы тот ни сердился, упасть на колени и признать свою вину — во все времена было самым верным решением.

Спустя мгновение Чу Тяньхэ осведомился:

— Что с императрицей? С чего вдруг ты опустилось на колени?

— Наложница... Император впервые остается здесь на ночлег, наложница взволнована, очень взволнована.

Чу Тяньхэ легко усмехнулся и спросил:

— Вот как?

— Да. — Сун Цы пришлось отвечать скреп сердцем.

В этот момент системное оповещение показало, что уровень гнева Чу Тяньхэ упал до 50. Это означало, что Сун Цы в безопасности.

Не успел Сун Цы перевести дух, как услышал тихий приказ Чу Тяньхэ:

— Вставай и помоги Мне раздеться.

— ...Слушаюсь.

Подняв руки, Сун Цы принялся распутывать завязки на одежде Чу Тяньхэ. Его пальцы слегка дрожали, а сердце наполнялось невыразимым страхом.

Чу Тяньхэ вскинул руку, ухватил Сун Цы за подбородок и пристально всмотрелся в его лицо:

— Что такое? Ты боишься Меня?

Выдавив из себя подобие улыбки, Сун Цы с «невозмутимым» видом произнес:

— С чего бы? Наложница души не чает в императоре!

Чу Тяньхэ, казалось, услышал нечто забавное, и тихо спросил:

— Ты любишь Меня?

— ...Люблю, — боясь, что Чу Тяньхэ не поверит, Сун Цы добавил напоследок: — Очень люблю.

Чу Тяньхэ лишь усмехнулся, и было непонятно, поверил он или нет.

Отпустив подбородок Сун Цы, Чу Тяньхэ негромко обронил:

— Отдыхаем!

— Слушаюсь.

Тихонько ответив, Сун Цы принялся сам с себя снимать одежду. Чу Тяньхэ сидел на кровати, скрестив ноги, и неотрывно смотрел на хрупкую спину Сун Цы.

Сун Цы выглядел донельзя «застенчивым» и все никак не осмеливался повернуться к нему лицом.

Наконец Сун Цы разделся и, дрожа всем телом, забрался на постель.

Чу Тяньхэ протянул руку, притянул его к себе и резким движением перевернулся, прижав Сун Цы к матрасу.

Сун Цы широко распахнул глаза, ни капли не скрывая своего ужаса:

— И-император?

— Похоже, они были правы. Моя императрица и впрямь заслуживает славы первого красавца Великого Чу. И надо же такому небесному созданию оказаться моей императрицей.

Сун Цы мысленно закатил глаза и подумал: «Ты это сейчас хвалишь меня или оскорбляешь? Какой нормальный человек станет сравнивать мужчину с небожителем?»

Поразмыслив с минуту, Сун Цы изобразил улыбку, которая была хуже слез:

— Император слишком щедр на похвалы. К тому же, стать императорской супругой — это для меня... для наложницы великое счастье.

— Правда? — с улыбкой и без улыбки произнес Чу Тяньхэ. — Но до Меня доходили слухи, будто в день свадьбы старый премьер-министр собственными руками заталкивал императрицу в паланкин?

Сун Цы: «Да откуда ты все знаешь?!»

Это была часть оригинального сюжета: Сун Цы вовсе не хотел попадать во дворец, потому что стоило ему переступить его порог, как пришлось бы столкнуться с бесчисленными угрозами.

К тому же, в столице у Сун Цы оставалось множество «закадычных друзей», а после затворничества во дворце видаться с ними так часто уже не получилось бы.

Конечно же, при таком раскладе Сун Цы вовсе не горел желанием отправляться во дворец.

Сун Цы на миг запнулся, быстро перевел взгляд, вскинул руки, обвивая шею Чу Тяньхэ, и спрятал лицо у него за плечом.

С «кокетливым» видом он протянул:

— То наложница не желала покидать родной дом. Стоит уехать, и вернуться обратно уже почти невозможно.

— Императрица жалуется Мне в иносказательной форме? Тоскует по дому?

Сун Цы: «!»

Что на уме у этого Чу Тяньхэ? Неужели он хочет отправить его домой?

Но стоило Сун Цы вспомнить, что по возвращении домой ему придется передавать весточки собственному отцу, как ему становилось не по себе.

Поразмыслив как следует, Сун Цы ответил:

— Наложница только-только прибыла во дворец, пожалуй, навестит родных позже! Наложница хочет остаться во дворце и составить компанию императору.

Едва слова сорвались с губ, уровень гнева Чу Тяньхэ тут же упал до 17.

Глаза Сун Цы засияли, и он подумал: «И правда, лесть везде пройдет. Эта истина работает в любое время».

Впредь ему обязательно нужно почаще льстить Чу Тяньхэ, только так удастся подольше продержаться в этом дворце.

— Раз так, оставайся во дворце и веди себя смирно.

В словах Чу Тяньхэ сквозил двойной смысл, и Сун Цы, не смея отвечать наугад, мог лишь смущенно кивнуть.

Чу Тяньхэ обнял Сун Цы за талию и одним резким движением сорвал с него одежду.

Сун Цы лежал на постели совершенно голым, тоскливо размышляя: «Неужели меня и впрямь поимеет мужик?..»

Прождав с закрытыми глазами добрую половину дня и не дождавшись от Чу Тяньхэ дальнейших действий, он украдкой приоткрыл один глаз и заметил, что взгляд Чу Тяньхэ прикован к его коленям.

Сун Цы скосил глаза и обнаружил на колене огромный синяк!

Тут же вспомнив, что это отметина от недавнего падения на колени, он мысленно воздал хвалу небесам, что не стал мазать ушивом — иначе Чу Тяньхэ ничего бы и не заметил!

И впрямь, лицо Чу Тяньхэ помрачнело, он протянул руку и провел пальцами по синяку, заставив Сун Цы тревожно заерзать.

Убрав руку, император негромко спросил:

— Откуда это? Уж не оставила ли его сегодня Благородная супруга Ху, заставив тебя встать на колени?

<http://bllate.org/book/22333/2339503>